

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕТРОВ

студент кафедры Новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Тел.: 8 (911) 733-05-55; E-mail: wladimir.w.petrov@gmail.com

Статья, написанная с использованием материалов архивов Санкт-Петербурга, посвящена жизни и трудам выдающегося деятеля советской науки и высшей школы, лингвиста и востоковеда Всеволода Брониславовича Томашевского (1891–1927). Особое внимание уделено периоду, когда В.Б. Томашевский находился на руководящих должностях в Ленинградском государственном университете, в частности на посту ректора университета (1926–1927), став, таким образом, первым ректором-коммунистом.

Ключевые слова: В.Б. Томашевский, Ленинградский университет, Бакинский университет, Волжско-Каспийская военная флотилия, Управление уполномоченного Наркомпроса, советизация, лингвистика, осетинский язык.

«БОЛЬШОЙ БЫЛА ЕГО РАБОТА И ЯРКОЙ – ЖИЗНЬ ЕГО...». В.Б. ТОМАШЕВСКИЙ: ПЕРВЫЙ КОММУНИСТ ВО ГЛАВЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. 1926–1927 гг.

В середине 1920-х гг. стала очевидной необходимость полного и окончательного «коммунизирования»¹ высшей школы, ликвидации остатков ее автономии, тотального подчинения государству и коммунистической партии. Именно в это время советская историография отмечает рост либеральных настроений и ожиданий старой профессуры. Повод для таких ожиданий подал сам Наркомпрос, проводя крайне неравномерную и непоследовательную политику в отношении высшей школы.

В историографии устоялась точка зрения, согласно которой структурно-организационные изменения в Петроградском–Ленинградском университете в 1920-х гг. были обусловлены двумя основными мотивами: необходимостью срочной подготовки кадров новой, социалистической интеллигенции, из которой вытекал второй: необходимостью «коммунизирования» органов управления университета. Немалую роль в претворении в жизнь этих изменений сыграл Всеволод Брониславович Томашевский, ставший впоследствии первым ректором-коммунистом Ленинградского университета (19.VI.1926 – 14.II.1927).

Для своего времени В.Б. Томашевский был во многом человеком исключительным. Его яркая личность, бурная судьба, блестящая карьера, для которой ему была отпущена несправедливо короткая жизнь, сейчас, к сожалению, незаслуженно забыты.

Всеволод Брониславович Томашевский родился 13 сентября 1891 г. в семье врача-психиатра, приват-доцента юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, доктора медицины Бронислава Викентьевича Томашевского и его жены Веры Ивановны (урожденной Цветковой), писательницы, переводчицы и сотрудницы журнала «Мир божий». Томашевские были людьми интеллигентными и общительными, поддерживали дружеские отношения с такими выдающимися деятелями литературы и искусства, как Ф.Ф. Фидлер и Д.Н. Мамин-Сибиряк².

19 сентября 1900 г. Всеволод поступает в гимназию Императорского человеколюбивого общества, которую оканчивает с серебряной медалью в 1909 г.³ Годом ранее, 15 июля 1908 г., дослужившись до чина коллежского советника и должности старшего ординатора, Бронислав Викентьевич скончался⁴. В.И. Томашевская с детьми жила за счет «небольшой пенсии и переводной работы»⁵. После окончания гимназии Всеволод зачисляется на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, однако уже в феврале 1911 г. был «уволен» из него в результате «участия в демонстрации по поводу смерти Л.Н. Толстого»⁶ по личному распоряжению «Г. Управляющего Министерства народного просвещения действительного статского советника Л.А. Кассо от 5-го февраля 1911 г.»⁷. Впрочем, уже через полгода «предложением Министерства народного просвещения от 26 августа 1911 года за № 592, в числе 15 человек, Всеволод Брониславович Томашевский принят обратно в СПбургский Университет»⁸.

После окончания Томашевским университета в марте 1914 г., И.А. Бодуэн де Куртенэ – один из ближайших его учителей – исходатайствовал об оставлении способного молодого ученого при университете по кафедре языковедения⁹. Ходатайство было удовлетворено, и до 1919 г.

В.Б. Томашевский готовился к научно-исследовательской и преподавательской деятельности и начал держать экзамены на степень магистра, однако завершить их не успел. Одновременно он преподавал в учебных заведениях Петрограда – гимназии и реальном училище П.М. Иоозефовича (с 1914 г.)¹⁰, а также в Коммерческом училище 4-го товарищества преподавателей (с 1917 г.)¹¹.

Новая яркая страница жизни В.Б. Томашевского началась, когда в 1919 г. он «был приглашен профессором по кафедре языковедения в <...> Астраханский университет»¹². Во время Гражданской войны Астрахань была ключевой базой Волжско-Каспийской военной флотилии (ВКВФ). Неудивительно в этой связи, что 4 июля Всеволод Томашевский вступил в ряды военморов, судя по всему, под влиянием личного примера своего брата Константина¹³. Месяцем или двумя ранее В.Б. Томашевский становится членом РКП(б)¹⁴.

Начав карьеру во флотилии с рядового работника культурно-просветительного отдела, Томашевский быстро поднимается по карьерной лестнице, и в начале ноября 1919 г. он – редактор органа политотдела флотилии – журнала «Военмор». Кроме того, Томашевский преподавал в Морском университете в Астрахани: Всеволод – историю русской литературы, Константин – историю революционного движения в России и политэкономии¹⁵. 24 ноября В.Б. Томашевский был назначен временно исполняющим дела заведующего политотдела¹⁶. На этом посту он находился вплоть до середины марта 1920 г. – до назначения комиссаром Штаба флотилии. Тогда же он оставил и «Военмор», сосредоточившись на работе на новом ответственном посту¹⁷. Однако уже через две недели на общем собрании работников Штаба флотилии В.Б. Томашевский был избран членом Бакинского совета, «откомандирован в распоряжение Ц.К. А[зербайджанской]. К.П.» и 27 октября 1923 г. «перечислен в бессрочный отпуск по приказу РВСР»¹⁸.

Бакинский период (1920–1923) поддается изучению хуже всего ввиду скудности источниковой базы. После окончания боевых действий в Азербайджане и Прикаспии В.Б. Томашевский был назначен заместителем наркома просвещения Азербайджанской Республики¹⁹; он также выступил как один из организаторов Бакинского университета²⁰. В нем Томашевский был избран профессором по кафедре сравнительного языковедения, а также продолжал изучение осетинского языка, остававшегося его страстью на протяжении всей жизни²¹. Летом 1922 и 1923 гг. Томашевский выезжал во Владикавказ «для усовершенствования в осетинском языке и для собирания материалов по словарю осетинского языка»²². М.С. Альтман, тогда – студент Бакинского университета, впоследствии вспоминал, как «просто и естественно для него [В.Б. Томашевского] было между одним и другим заседанием Наркомпроса углубиться в свободные полчаса на разрешение какого-нибудь запутанного вопроса в русской диалектологии или на изучение осетинской грамматики»²³. Кроме того, осенью 1923 г. Томашевский был избран членом президиума историко-этнографической секции Общества по обследованию и изучению Азербайджана.

В конце 1923 г. В.Б. Томашевский подает заявление в Коллегию Института литератур и языков стран Востока

и Запада (ИЛЯЗВ) при факультете общественных наук (ФОН) Петроградского университета с просьбой дать ему возможность закончить сдачу экзаменов и «изыскать способы получения <...> научной квалификации»²⁴. Это знаменует начало последнего, ленинградского периода жизни В.Б. Томашевского. Запрошенная возможность была вскоре ему предоставлена – в форме собеседования с академиком Н.Я. Марром и профессором А.А. Фрейманом, которые обнаружили его знания вполне удовлетворительными. Кроме того, были приняты во внимание научные труды по лингвистике. В результате уже в январе 1924 г. Коллегия ИЛЯЗВ признала за Томашевским «право на самостоятельную научно-учебную работу в высших учебных заведениях Республики»²⁵. В 1924 г. он переехал в Ленинград и был избран доцентом ИЛЯЗВ при ФОН ЛГУ. 20 октября 1925 г. президиум ФОН утвердил В.Б. Томашевского в должности штатного профессора по иранским языкам и сверхштатного – по языкознанию²⁶.

Параллельно разворачивалась карьера Томашевского как администратора. Осенью 1924 г. он становится уполномоченным Наркомпроса по научным, научно-художественным и музейным учреждениям (уполномоченным Главнауки) Ленинграда, в какой-то должности и пребывал, большей частью совмещая, до марта 1926 г., когда Управления уполномоченных Главпрофобра и Главнауки были объединены²⁷. Однако наиболее заметный след в истории Томашевский оставил, руководя Ленинградским университетом.

1925 г. стал для университета знаменательным и даже роковым. 23 мая 1925 г. распоряжением Коллегии Наркомпроса в целях проведения работы по слиянию ЛГУ с Географическим и Химико-фармацевтическим институтами была сформирована Организационная комиссия ЛГУ (Оргком) под председательством уполномоченного Наркомпроса по вузам и рабфакам Ленинграда С.К. Минина²⁸. Правление и ректор университета Н.С. Державин сложили полномочия. Тем не менее, как докладывал в Василеостровский райком организатор коллектива ВКП(б) ЛГУ П.П. Тесленко, «недели три Оргкомиссия работала оживленно, но когда кой-кто разъехался, тов. Минин не стал являться, работа Оргкомиссии стала разваливаться»²⁹. Намеченные на конец ноября – декабрь перевыборы правления университета были отменены волевым решением заместителя уполномоченного В.В. Покровского. Дальнейшее ухудшение состояния здоровья С.К. Минина привело к тому, что в марте 1926 г. он лишился всех должностей: на посту уполномоченного его сменил секретарь Ленинградского губкома ВКП(б) Б.П. Позерн, а председателем Оргкома ЛГУ стал В.Б. Томашевский³⁰.

Тем временем затягивающееся и усугубляющееся «безвластие», обусловленное отсутствием правления и слабой способностью остатков оргкома к управлению, очевидно, вовсе не благотворно сказывалось на университетской жизни. Особое беспокойство государственно-партийных органов вызывал общественно-политический климат в ЛГУ, который в основном задавался «правой» профессурой. Способствовала последнему и непоследовательная политика Наркомпроса – фактический отказ от «классового» принципа набора студентов³¹ и «заигрывание» с профессурой, которая, осознав свою незаменимость, попыталась диктовать свои условия представителям власти – явление, получившее идеологическое клеймо «наступление старой профессуры».

Апофеозом этого явления в ЛГУ стала кампания по перевыборам правления после реорганизации университета, во время которой как никогда реальной была перспектива того, что ректором станет один из наиболее ярких представителей «правой профессуры» – гидробиолог, профессор физико-математического факультета, ближайший ученик «полковника за автономию» ректора университета 1919–1922 гг. В.М. Шимкевича Константин Михайлович Дерюгин³². В биографической статье о нем известный историк университета С.И. Фокин характеризует К.М. Дерюгина как подвижника науки, крупного ученого, достойного кандидата на высокий пост³³. Член совета университета А.П. Афанасьев, харак-

теризуя кандидатуру Дерюгина, выдвинутую куриальными собраниями профессуры, преподавателей и студентов, отозвался о нем так: «[К.М. Дерюгин] ведет большую общественную работу, организовал Мурманскую станцию, знает университетскую жизнь и требования научной работы. <...> проф. Дерюгин пойдет вместе с властью и послужит на общую пользу Республики»³⁴. Тем не менее «левая» часть профессорско-преподавательского состава отнеслась к его кандидатуре резко отрицательно. Характерен тот факт, что Главпрофобр и Управление уполномоченного находились в некотором замешательстве и, в сущности, против него не возражали³⁵. Однако со стороны «левой профессуры» на Дерюгина немедленно посыпались обвинения в фаворитизме, «протаскивании» классово враждебных элементов в аспирантуру и предвзятом отношении к партийным товарищам, неравномерном распределении средств и даже барских замашках³⁶. Безжалостный вердикт «никакая совместная работа профессора Дерюгина со студенческими организациями, с передовой частью профессуры – невозможна»³⁷ предопределил решение совета: минимальным большинством голосов его кандидатура получила отрицательный отзыв³⁸. В результате было назначено последнее заседание куриальных собраний – 28 мая 1926 г. Все материалы выборов (протоколы куриальных собраний, характеристики кандидатов, заявления и т.д.) были направлены в Главпрофобр. 19 июня 1926 г. Коллегия Наркомпроса утвердила правление ЛГУ в составе: «Ректор ун-та, проф. В.Б. Томашевский, проректор по учебной части, проф. А.А. Иванов, проректор по хозяйству тов. В.Н. Никитин» и четыре члена правления (по два представителя от двух «крыльев» профессуры)³⁹. Завершился длившийся более года период неопределенности и безвластия. Университет получил ректора – молодого, энергичного, перспективного ученого, кроме того – коммуниста, имевшего значительные связи в органах Наркомпроса в центре и в Ленинграде.

Даже на посту руководителя ЛГУ В.Б. Томашевский находил время для научно-исследовательской и преподавательской деятельности: в феврале-марте 1926 г. он принимал участие в Первом Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку. После утверждения в должности Томашевский отказался от поста председателя литературно-лингвистического отделения (ЛЛО) Ямфака, но не от профессорской должности⁴⁰. Принимал он и живое участие в деятельности ЛОГ, несмотря на переход отделения в ведение Управления уполномоченного Наркомпроса⁴¹.

Огромное количество сил и времени отнимали собственные университетские дела. Помимо регулярных заседаний совета, правления и президиума университета, совещаний в Мраморном дворце, поездок в Москву, приходилось иметь дело со все еще дающими о себе знать последствиями революции, Гражданской войны, хозяйственной разрухи, наводнения 1924 г. Предпринимались меры по укреплению материальной базы университета. Внедрение новых учебных планов и методов преподавания, введение непрерывной производственной практики и обязательного военного обучения требовали как длительных трудоемких организационных мероприятий и согласований, так и соответствующего финансирования, на увеличение и даже на выделение которого Наркомпрос шел крайне неохотно⁴². Не прекращалась внутриуниверситетское противостояние «правой» и «левой» профессуры, вылившееся в кризис, поводом для которого стали перевыборы деканата физико-математического факультета осенью 1926 г. (достойные отдельного, более обстоятельного исследования). Поток взаимных обвинений, нерешительность Наркомпроса и, как следствие этого, неопределенность и уклончивость позиции уполномоченного едва не привели к отставке ректора⁴³.

Тяжкие труды и переживания окончательно подорвали и без того слабое здоровье Томашевского (долгое время он страдал хроническим туберкулезом). В декабре 1926 г. он слег в постель, однако продолжал руководить делами университета до самого конца. Смерть ректора наступила в начале девятого часа вечера 14 февраля 1927 г. 17 февраля в Актовом зале состоялось торжественное прощание с ректором, после чего гроб с его телом студенты на руках

несли от университета до Александрo-Невской лавры, где Томашевский был похоронен. Подавляющую часть пятидесятничной процессии, провожавшей ректора в последний путь, составляло студенчество университета⁴⁴. Соболезнования по поводу тяжелой утраты выразили более 30 лиц и учреждений, среди которых – Московский, Азербайджанский и Северо-Кавказский университеты, Академия наук и уполномоченный НКП, а также 33-я ЕТШ – бывшая гимназия Императорского человеколюбивого общества⁴⁵.

Не будучи обласканной пристальным вниманием историографии, деятельность В.Б. Томашевского, в том числе и на посту ректора университета, была отмечена, по большей части, лишь современниками. Теплые слова были сказаны непременно секретарем АН С.Ф. Ольденбургом⁴⁶, учителем Томашевского Л.В. Щербой⁴⁷, ректором ИЖВЯ и членом Ленинградского горкома ВКП(б) П.И. Воробьевым⁴⁸, бывшим студентом Томашевского М.С. Альтманом⁴⁹. Высокую

оценку деятельности Томашевского на посту ректора дает В.С. Брачев: «То, что было невозможно еще два-три года назад, стало реальностью. С избранием ректора-коммуниста завершился процесс советизации университета»⁵⁰. На наш взгляд, несмотря на несправедливую краткость жизни, сделать он сумел очень многое. В.Б. Томашевский без остатка посвятил себя научной и просветительской деятельности, действуя в соответствии с собственными идеалами и нравственными ориентирами. Он никогда не искал легких путей, принимаясь за то, от чего отказывались другие. Всеволод Брониславович Томашевский с честью нес бремя руководства Ленинградским университетом, болея душой за свою alma mater, и достойно служил ей до самого конца. «А память сохранит нам Томашевского таким, каким он был, – энергичного, деятельного администратора и вдумчивого ученого и педагога, обаятельного человека, прекрасного товарища и друга», – писал П.И. Воробьев⁵¹.

¹ Коммунизирование – термин 1920-х гг., обозначающий (в отношении высшей школы) процесс замещения «кадетствующей» «правой» профессуры в деканатах факультетов и правлениях вузов представителями, лояльными советской власти; в наиболее радикальной форме – непременно членами Коммунистической партии. Семантически коммунизирование близко, если не идентично, советизации.

² Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / изд. подгот. Константин Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 137–139, 330, 421. (Россия в мемуарах / под ред. А.И. Рейтблата); *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1958. Т. 10. Легенды. Воспоминания. Письма. С. 387.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 54364. Л. 10–10 об.

⁴ Там же. Л. 46 об.–47, 49 об.

⁵ Вера Ивановна Томашевская, урожденная Цветкова // Фидлер Ф.Ф. Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собр. Ф.Ф. Фидлер. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 130.

⁶ Красная газета. 1927. 15 февраля.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 54364. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 10909. Л. 1–2 об.

¹⁰ Там же. Л. 13.

¹¹ Там же. Ф. 304. Оп. 1. Д. 323. Л. 3.

¹² Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10909. Л. 34 об.

¹³ РГАВМФ. Ф. Р-144. Оп. 3. Д. 3. Л. 18.

¹⁴ Сообщение о выборах военных моряков Волжско-Каспийской военной флотилии в Бакинский Совет // Военмор. 1920. № 25. С. 15. Указание на стаж (13 месяцев) позволяет, за неимением более точных данных, установить приблизительное время вступления в партию.

¹⁵ Военмор. 1920. №10. С. 16; Там же. №11. С. 16; Там же. №15. С. 16.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 16. Л. 9, 12 об.

¹⁷ Там же. Оп. 3. Д. 3. Л. 42.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10909. Л. 104 об.–105; Сообщение о выборах военных моряков Волжско-Каспийской военной флотилии в Бакинский совет // Военмор. 1920. № 25. С. 15.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10909. Л. 161; Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В.А. Дымщица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Инапресс, 1995. С. 247. (Свидетели истории).

²⁰ Брачев В.С. Первый ректор-коммунист // Ленинградский университет. 1987. 20 марта. С. 2.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10909. Л. 34 об.–35.

²² Там же. Л. 35.

²³ Там же. Л. 158.

²⁴ Там же. Л. 34.

²⁵ Там же. Л. 38–38 об.

²⁶ Там же. Л. 68–68 об.

²⁷ Там же. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 505. Л. 34, 52–53 об.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 160. Л. 117 об.

²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 2.

³⁰ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 566. Л. 134, 143 об.; Там же. Д. 505. Л. 34, 52–53 об.

³¹ Андреев Д.А. «Пролетаризация» советской высшей школы: 1921–1925 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 18. №44. С. 24.

³² ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 16. Л. 31.

³³ Фокин С.И. Неизвестный Константин Михайлович Дерюгин // Историко-биологические исследования. 2010. № 2. С. 43–66.

³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 218. Л. 3.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 18. Л. 35, 62–65; Там же. Оп. 2. Д. 257. Л. 39.

³⁶ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 18. Л. 29–35 (доносы на К.М. Дерюгина).

³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 218. Л. 9.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 178. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 2; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10909. Л. 91–92.

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 21. Л. 83; Там же. Д. 22. Л. 12.

⁴² Там же. Д. 22. Л. 8.

⁴³ Там же. Д. 20. Л. 51.

⁴⁴ Красная газета. 1927. 18 февр.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10909. Л. 113–161.

⁴⁶ Красная газета. 1927. 16 февр.

⁴⁷ Там же. 15 февр.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10909. Л. 160–161; Воробьев Павел Иванович (1892–1937) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. «Петербургское востоковедение». URL: <http://memory.pvost.org/pages/vorobjev.html> (15 мая 2013).

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10909. Л. 157–159.

⁵⁰ Брачев В.С. Указ. соч. С. 2.

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10909. Л. 162.